

Константин Ерусалимский, Сергей Полехов

Новое издание московско-литовских договоров середины XV — середины XVI в.: замысел и его реализация*

Konstantin Jerusalimsky

(Russian State University for the Humanities, Moscow),

Sergey Polekhov

(Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

Russian State University for the Humanities, Moscow)

New edition of the Moscow-Lithuanian treaties of the mid-15th — mid-16th centuries: concept and its implementation

DOI: 10.31857/S086956870012950-6

Издание государственных договоров Московского (Русского) государства с Великим княжеством Литовским с 1449 по 1556 г. выполнено в рамках серии «Документы внешней политики Литвы XIII—XVIII вв.». Первая книга этой серии — «Кревский акт 14 августа 1385 г.» — вышла в 2002 г. и вызвала широкий международный резонанс¹. После этого были изданы ещё два тома — первая часть соглашений Австрии, Пруссии и России о разделах Речи Посполитой (2008) и акты Городельской унии 1413 г. (2013). Значение этих изданий очевидно: межгосударственные договоры — источник первостепенной важности. К настоящему времени исследователи располагают образцовыми изданиями договоров Великого княжества Литовского с Польшей и Крымским ханством; сложнее ситуация с изданиями его договоров с Тевтонским орденом и Молдавией. Издание договоров с Московским, а затем Российским го-

сударством заполнило бы очевидную лакуну, тем более что Л.В. Черепнин поместил в своей публикации «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» московско-литовские договоры лишь до 1494 г.

Рецензируемый том, включающий 29 актов, подготовлен доктором Марюсом Сирутавичюсом из Университета Витовта Великого в Каунасе, а его научным редактором выступила известная исследовательница истории Великого княжества Литовского Юрате Кяупене. Ей принадлежит предисловие «Открывая новую страницу», в котором представлен замысел публикации, её место среди названных изданий, рецензированы новейшие российские исследования политики и дипломатии Московского государства второй половины XV — середины XVI в. (р. 11—18). М. Сирутавичюс во вводных разделах «Межгосударственные

* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės ir Maskvos valstybės sutartys. 1449—1556 metai. Šaltinių publikacija / Sudarė, parengė, vertė M. Sirutavičius. Kaunas; Vilnius: Vytauto Didžiojo universitetas, Versus aureus, 2016. 308 p. (Договоры Великого княжества Литовского и Московского государства. 1449—1556 гг. Публикация источников / Сост. М. Сирутавичюс. Каунас; Вильнюс, 2016).

Материал подготовлен при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00432.

договоры в практике дипломатических отношений Литвы и Москвы в конце XV — 60-е годы XVI в.» (р. 19—43) и «Принципы подготовки публикации» (р. 44—50) характеризует динамику литовско-московских взаимоотношений в указанный период, особенности процедуры заключения договоров, значение её элементов, отмечает изменения в терминологии и титулах («великий князь», «царь всея Руси», «брат», «любовь», «правда», «докончание»). Отмечена степень сохранности оригиналов и копий договоров в древлехранилищах России и Польши и в общих чертах — особенности предыдущих их научных публикаций. По словам составителя, его задача заключалась в публикации литовско-московских договоров прежде всего по оригиналам, если таковые сохранились, поскольку ранее они, за исключением грамоты Ивана IV 1556 г. (№ 22), издавались по спискам в Литовской метрике и московских посольских книгах (р. 45—46). При этом составитель признаёт, что публикация была подготовлена по цифровым копиям (р. 49), что, как будет показано ниже, сказалось на реализации его замысла.

В издание вошли тексты соглашений между двумя государствами, начиная с «вечного» мирного договора между великим князем московским Василием II Васильевичем (и удельными московскими князьями) и королем польским и великим князем литовским Казимиром Ягеллоном от 31 августа 1449 г. (№ 1). Последнее в подборке — перемирие царя Ивана IV с королем польским и великим князем литовским Сигизмундом Августом от 7 февраля 1556 г. (№ 22—23). Нижняя дата объясняется значением договора 1449 г.: он зафиксировал определённый баланс сил и раздел сфер влияния в Восточной Европе между двумя Великими княжествами — Московским

и Литовским, а также положил начало выработке процедуры заключения договоров между этими государствами, которая окончательно сложилась в первой половине XVI в. Верхняя хронологическая граница во вводных статьях не обосновывается, но, вероятно, объясняется тем, что спустя два года после заключения очередного перемирия начался масштабный конфликт, известный в науке как Ливонская война. Значительную часть этого периода между государствами шли войны, во время которых Великое княжество Литовское утрачивало регион за регионом и которые лишь дважды прерывались «вечным миром», быстро сменявшимся новой войной, — в 1494 и 1508 гг.

Понятие *оригинала* заставляет сказать о «противнях» — экземплярах сторон. Их количество определялось процедурой заключения соглашения в соответствии с прецедентом 1449 г. На этом настаивала московская сторона, поскольку это позволяло ей удерживать инициативу при выработке формулировок договора. Великий князь московский выдавал послам великого князя литовского грамоту от своего имени, а они ему — от имени своего господаря с припиской, содержащей обязательство будущей ратификации договора литовским правителем. На неё отправлялись московские послы, захватив с собой грамоту литовских послов, чтобы проконтролировать идентичность текстов — предварительного (посольского) и ратифицируемого, а также соблюдение всех церемониальных моментов. Таким образом, в идеале в каждом случае первоначально существовали три оригинала: один — московской стороны, два (посольский и великокняжеский) — литовской стороны. Из них до наших дней дошли далеко не все. Хуже всего сохранились договоры Казимира Ягеллона с Василием II

(1449 г., № 1) и Александра Ягеллона с Иваном III (1494 г. — № 2 и 3; 1503 г. — № 4 и 5): в оригинале — лишь литовская грамота (послов) от 26—27 марта 1503 г. При этом не сохранилась литовская ратификация перемирия 1503 г., о существовании которой известно из московской посольской книги². Это стоило отметить в издании, тем более что в 1494 г. такого документа не было, поскольку соответствующую процедуру ещё не выработали (р. 30). Из договоров, заключённых Василием III с Сигизмундом Старым, сохранились в оригиналах в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, ф. 79, оп. 3) литовские предварительные договоры и их ратификации 1508—1509, 1522—1523 и 1526—1527 гг. (№ 7, 7А, 9, 9А, 11, 11А). Ратификационные акты не переизданы, но отмечены под дополнительными номерами и охарактеризованы в кратких легендах.

За период правления Ивана IV сохранились оригинальные экземпляры договоров не только московской, но и литовской стороны — в варшавском Главном архиве древних актов (Archiwum Główne Akt Dawnych — AGAD) и Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ). Для первого из таких договоров (1537) опубликованы «противни» (№ 14, 15), а литовская ратификация лишь отмечена в издании (№ 15А) и описана в легенде. Из документов соглашения 1542 г. (№ 16, 17, 17А) лучшая сохранность — у литовского акта ратификации, который и издан под № 17А. Следующие три подборки также составляют комплексы соглашений 1549 (№ 18, 19, 19А), 1553 (№ 20, 21) и 1556 (№ 22, 23) гг. Во всех этих случаях до нас дошли не только списки, но и оригиналы актов, а в последних двух случаях ратификационные документы отсутствуют.

Уже из этого перечисления видно, что архивная судьба публикуемых и

отмеченных в издании документов. Оригиналы грамот литовской стороны (с 1503 г.) сохранились в РГАДА, московской (с 1537 г.) — в AGAD и Отделе рукописей РНБ, куда договор 1556 г. (№ 22) перекочевал из архива Радзивиллов, позаимствовавших на хранение государственный архив Великого княжества Литовского³. Таким образом, все договоры за этот период остались у тех сторон, которым были предназначены соответствующие экземпляры. Поскольку ряд договоров не сохранился в оригиналах, имело смысл проследить их архивную судьбу, обратившись к описям архивов — царского 1570-х гг., Посольского приказа 1614, 1626—1627 и 1673 гг. — и сопоставив регесты договоров в них с дорсальными записями, которые Сирутавичюс воспроизвёл лишь отчасти.

В передаче текстов составитель следует правилам, принятым в Литве при издании Литовской метрики, в которых сочетаются критические и дипломатические методы. От первых — облегчённая графика при передаче кириллических текстов (не сохраняется даже «ѣ»), от вторых — раскрытие сокращений при помощи круглых скобок и обозначение выносных букв курсивом. Реконструированные фрагменты текста вносятся в публикацию в квадратных скобках. Впрочем, различия по спискам не приводятся, и далеко не всегда ясно, откуда позаимствованы или на каком основании приняты чтения в квадратных скобках.

Мы провели выборочную сверку нескольких договоров, сохранившихся в оригиналах, — литовских экземпляров соглашений 1503, 1522, 1526, 1549, 1553 и 1556 гг., хранящихся в РГАДА (№ 5, 9, 11, 19, 21, 23), и московского акта перемирия 1549 г. из собрания AGAD (№ 18). Эта сверка выявила многочисленные неточности, ошибки и опечатки⁴. От них составитель не спасла даже замена вышедших

из употребления кириллических букв на современные: сплошь и рядом выносные буквы не отмечены курсивом, а там, где он имеется, не всегда в действительности читается выносная буква. Довольно часто путаются буквы, похожие по написанию и практике употребления («ы» — «и», «ь» — «ъ», «а» — «юс малый» или «аз йотированный»). В ряде случаев в публикации допущены существенные искажения топонимов: так, вместо «Белика» читаем «Велика» (№ 5, р. 92), вместо «Телешович» — «Телешович» (№ 9, р. 139), вместо «Яловца» — «Аловца», что составитель исправляет на «Еловца» (№ 19, р. 233). Эти примеры можно умножить. Иногда составитель не оговаривает эмендации, отмечая их так же, как и утраты (о них речь впереди), — квадратными скобками. В результате читатель не узнает, если не обратится к оригиналам, что в договоре 1522 г. (№ 9) читается не «[О]ръши», а «Ръши», а в договоре 1549 г. (№ 19) не «се[д]мое», а «се-мое» — обычные для текстов XVI в. формы, которые не требуют никаких эмендаций. Иногда же, напротив, в издании появляются лишние буквы, которых нет в оригиналах.

Сверка издания с оригиналами показала, что составитель злоупотребил квадратными скобками для передачи нечитаемых мест: многие из них на самом деле читаются, если варьировать освещение или просто разглядеть листы пергамента, хранящиеся в сложенном состоянии (если же вооружиться лупой и ультрафиолетовой лампой, то результат будет ещё более впечатляющим). Здесь и дала о себе знать подготовка публикации по цифровым копиям без обращения к оригиналам. К примеру, в перемирных грамотах 1526 и 1549 гг. (№ 11, 19) читаются практически все слова, заключенные в издании в квадратные скобки, за исключением нескольких

мест в конце второго договора, где пергамен повреждён или загрязнён. Хорошо в оригинале читается и текст договора 1556 г., особенно если осветить его ультрафиолетовой лампой (№ 23). В издании он подготовлен по списку в московской посольской книге.

Во всех спорных и ошибочных прочтениях недостаёт палеографических комментариев публикатора. Из просмотренных нами оригиналов самая сложная, но всё-таки не безнадёжная ситуация с договором 1553 г. (№ 21): он написан на листе толстого пергамента довольно убористым почерком и хранится в сложенном виде, так что его непросто развернуть. Больше всего пострадала левая часть листа, где верхний слой пергамента повреждён. И всё же тщательное изучение этой части, её сравнение со списком в московской посольской книге позволило бы реконструировать текст точнее, чем при простом его воспроизведении по списку. Остаётся лишь сожалеть, что издатели документов польско-литовской внешней политики уже не в первый раз сталкиваются с отказом архива выдать оригиналы публикуемых документов или хотя бы изготовить их копию, только на этот раз такая история приключилась не в московском⁵, а в варшавском архиве, где хранится московский экземпляр договора 1553 г. (№ 20, см. р. 46, 243), так что его текст пришлось готовить по списку.

Нередко вызывают возражения разбивка на слова, расстановка знаков препинания и использование прописных и строчных букв. Разумеется, многое из этого определяется выбором издателя (например, выбор прописной или строчной буквы в элементах объектной части монаршего титула), но всё-таки некоторые решения представляются неприемлемыми — например, частица «не» пишется с глаголами то раздельно, по

правилам современных восточнославянских языков, то слитно («невоевати»), как в литовском языке. Напротив, для словосочетания «которые ни буди» напрашивается раздельное написание. Различение форм «государь» и «господарь» при раскрытии титула (в круглых скобках) в текстах соответственно Москвы и Вильно является не только надуманным, но и ошибочным. В Москве на всем протяжении периода, охваченного изданием, звучала только форма «государь» (р. 49)⁶. Кроме того, в отдельных случаях Сирутавичюс без всяких пояснений применяет в публикации одного документа обе эти формы, распространяя титул «государь» на великого князя московского, а «господарь» — на великого князя литовского (р. 140). По меньшей мере в одном месте кириллическая дата от Сотворения мира передана как «695 седмое» вместо «6950 седмое» (р. 56).

В издании ощущается неполнота привлечённых списков договоров и отсутствие текстологического анализа. Так, московская грамота «вечного мира» 1494 г. (№ 2) издана по московской посольской книге, отмечен и список Литовской метрики. Между тем можно отметить ещё один список этого договора, сохранившийся в Вильнюсе, в конволюте Библиотеки им. Врублевских Академии наук Литвы⁷. Текст договора переписан на бумажном листе размером 42,6 x 59,2 см скорописью, характерной для Великого княжества Литовского примерно 1570—1590-х гг. (филигрань неясна, а подпись господарского писаря внизу листа повреждена). В правом верхнем углу имеется пометка: «Привилеи московьский», на обороте — польские пометки. Чтения этого списка, как правило, менее исправны, чем в московской посольской книге, и опять-таки указывают на то, что он возник поздно, когда

реалии и даже язык договора 1494 г. были уже не очень хорошо понятны. Однако его значение всё же не следует недооценивать: он свидетельствует о том, что и в это время сохранялся определённый интерес к относительно раннему договору.

Московские и литовские экземпляры договоров публикуются по оригиналу или одному основному списку, при этом списки привлекаются лишь для реконструкции мест, которые издатель не смог прочесть по цифровым копиям оригиналов. Текстуальные расхождения между оригиналом и списком, как и между посольской грамотой и её господарской ратификацией, не отмечаются. Стоило отметить и расхождения между московским и литовским оригинальными экземплярами одного и того же договора, такие как пропуск фразы «города Мосалска с волостями» в перечне мест, куда запрещалось «вступаться» Сигизмунду Старому по перемирию 1537 г.: в московском экземпляре её нет (№ 14, р. 180)⁸, а в литовском — есть (№ 15, р. 190; ср. подобные примеры в договоре 1542 г.: р. 34—35). В издании отмечены, но никак не охарактеризованы «архивные копии» литовских экземпляров из РГАДА, подготовленные во второй половине XVIII в. Н.Н. Бантыш-Каменским и его сотрудниками.

Из-за того, что тексты договоров готовились по цифровым копиям, в издании остались неописанными внешние признаки документов — не отмечены их размеры, пропущены некоторые пометки (а если они всё-таки приведены, то и здесь не обошлось без неточностей). Без репродукций, за исключением нижней части одной грамоты, помещённой на обложку книги (приписка с обязательством ратификации — № 5), трудно оценить высокий уровень художественного оформления договоров, который был

призван производить впечатление на современников, подчёркивая важность содержания грамоты и статус её юридического автора.

Некоторые соглашения не имеют точных дат, и издателю пришлось устанавливать их по записям о процедурах утверждения договоров в посольской документации. Ряд таких датировок вызывает сомнения. Так, договор, утверждённый сторонами в Можайске в ноябре 1526 г., почему-то в обеих версиях датирован по-разному. Московская версия — «[4] ноября 1526 г., Можайск» (№ 10, р. 149), литовская — «[14 ноября 1526 г., Можайск]» (№ 11, р. 159).

Все публикуемые тексты документов сопровождаются литовскими переводами, что, по замыслу публикатора, должно помочь литовскому читателю⁹, а также английским резюме (р. 285—289). Но тексты эти однотипны и объёмны, и сориентироваться среди них можно было бы при помощи более содержательных колонтитулов с указанием не только номеров, но и дат документов. А ориентацию внутри текста того или иного соглашения облегчила бы не только разбивка на статьи (сами они получились бы довольно объёмными), но и нумерация строк.

Примечания, именной и особенно географический указатели к изданию (р. 290—307) получились малоинформативными. Идентифицированы лишь крупные населённые пункты, да и то не все. «За бортом» специального издания остались идентификации многочисленных сёл, волостей, речек и монастырей, которым посвятили много внимания исследователи от М.К. Любавского до В.Н. Темушева.

После всего сказанного остаётся неясным: коль скоро в издании столько неточностей, ошибок и недочётов, то зачем оно было нужно? Просто чтобы собрать тексты московско-

литовских договоров середины XV — середины XVI в. под одной обложкой? Но для этого хватило бы аннотированного перечня, регестов с указанием шифров оригиналов и списков, выходных данных, номеров документов и страниц изданий (и сводку этих данных надо признать сильной стороной публикации). Специалисты-историки, скорее всего, обратятся к предшествующим изданиям или к рукописям, а филологи — сразу к рукописям (если, конечно, в архиве не откажутся их выдать или скопировать). Издание будет полезно литовским студентам, для которых чтение кириллицы и понимание написанных ею текстов, возможно, составляет проблему. Что же касается «членов неакадемического сообщества» (р. 308, аннотация), то они, — если их действительно интересуют литовско-московские отношения, — рано или поздно обратятся к соответствующим изданиям источников и специальным трудам. Стоит отдать должное М. Сирутавичюсу и Ю. Кяупене: они поставили задачу подготовки современного научного издания московско-литовских договоров, но её решение по-прежнему остаётся делом будущего.

Примечания

¹ 1385 m. rugpjūčio 14 d. Krėvos aktas. Vilnius, 2002.

² Александр Ягеллон целовал крест 27 августа 1503 г. (Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. М., 1882. С. 439). Кстати, во введении рукопись посольской книги 1501—1505 гг. названа списком (р. 47), тогда как в действительности это оригинал книги (*Мошкова Л.В.* Русские посольские книги: начало формирования // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга). Калуга, 2017. С. 232—250).

³ См. специальное исследование: *Латушкін А.М.* Акт перамір'я паміж Расійскай дзяржавай і Вялікім Княствам Літоўскім 1556 г.

з Расійскай нацыянальнай бібліятэкі: пытанні правасуддзя // Актуальныя праблемы історыкаў: матэрыялы IV міжнароднай навучна-практычнай канферэнцыі к 420-летнюю даравання гораду Віцебску магдэбургскага права. Віцебск, 2017. С. 160—163.

⁴ Они сустрачаюцца і ў суправадзільных тэкстах: так, у археографічным прадисловіі (р. 46, прымеч. 89) у нумарах пергаменных грамаў AGAD допушчэн сбой на адну адзінцу, а ў вядзенні Васілій II памылкова назван Васіліем III (р. 28).

⁵ В Архіве знешняй палітыкі Расійскай імперыі Рамуне Шмігельскае-Стукене адказалі дапусціць к арыгіналам дакументаў першага раздзела Рэчы Паспалітай, ссылаючыся на тое, што яны і так ужо выдадзены (Lenkijos-Lietuvos valstybės padalijimų dokumentai. 1 dalis: Sankt Peterburgo konvencijos. Vilnius, 2008. P. 10).

⁶ Бачинскі А.А., Ерусалімскі К.Ю., Кочэковская Н.А., Моисеев М.В. Дыпламатычная

перапіска Івана Грознага: праблемы аўтарства, захавання і бытовання // Расійская гісторыя. 2018. № 2. С. 111—112; Авдеев А.Г. «Государь» ці «господарь»? Аб адным элеменце тытулаты правіцеляў Маскоўскай Русі // Расійская гісторыя. 2018. № 5. С. 9—16.

⁷ Lietuvos Mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos Rankraščių skyrius. F 16—24. L. 134. За дапамогу ў рабоце з гэтым крынішчыкам благодарым А.І. Грушу (Мінск).

⁸ Впрочым, у указатэлі на с. 299 Мосальск указан на гэтай старонцы.

⁹ Некаторыя заўважэнні адносна дакладнасці гэтых перакладаў см.: Gudmantas K. «Gyventi man su juo meilėje pagal šį raštą...»: keli pastebėjimai apie naująjį LDK ir Maskvos valstybės sutarčių leidimą // Senoji Lietuvos literatūra. Kn. 45. Vilnius, 2018. P. 234—235.

Ірына Пушкарёва

Рец. на: В.П. Козлов. «Убрать в историю...»: Крестьянский род и поселение Тульского края в XVI—XX веках. Ч. 1. Конец XVI в. — 1917 г. М.: Издательство РГГУ, 2019. 705 с.

Irina Pushkareva

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: V.P. Kozlov. «Ubrat' v istoriyu...»: Krest'yanskiy rod i poseleniye Tul'skogo kraja v XVI—XX vekah. Ch. 1. Konets XVI v. — 1917 g. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870012951-7

Пры афарачэнні к новай монографіі ісследователя-архивиста В.П. Козлова вспоминается огромный пласт публикаций по истории российского крестьянства. Своим объёмным исследованием Козлов внёс особый вклад в крестьяноведение России. При создании труда автор явно стремился вписать в контекст огромного полотна аграрной истории страны судьбу представителей крестьянского рода, прошлое которого сохранили архивные документы небольшого селца (поначалу деревни) Горки в Епифанском уезде Тульской губ. Деревня была известна с конца XVI в. и просуществовала более трёх столетий.

В научный оборот введены «три класса» источников: документальные; официальные, в том числе статистические; «неофициальные», среди которых имеются эго-документы — мемуары, дневники, эпистолярное наследие. Особое внимание автора привлекли материалы Государственного архива Тульской области (ГА ТО), созвучные тем, что сохранены центральными архивохранилищами (РГАДА, ГА РФ, РГАЭ, РГВИА, РГИА). ГА ТО хранит недостаточно использованные источники помещечно-вотчинных архивов XVIII — начала XX в. — землевладельцев и душевладельцев князей Голицыных, Юсуповых, графов